

шел в кинотеатр зритель, смотрит фильм. Ему нравится или не нравится. Ему интересно, кто там актеры и режиссер, — пожалуйста, вот в титрах фамилии. Ходить в гости к Феллини совершенно не обязательно. Тусоваться и знакомиться с ним лично абсолютно не нужно.

— Отказ общаться с миром по его правилам приводит к тому, что группа и ее музыка не попадают в хит-парады на те места, на которых ты хотел бы «Крематорий» видеть?

— Что такое хит-парады? Вот на «Нашем Радио» существует хит-парад — они объявляют: возьмите пейджер и пришлите имя своего любимого артиста. Елки-палки! Я возьму сейчас дам дворнику нашему денег рублей сто и скажу: весь день звони вот по этому телефону и говори: «Крематорий», «Крематорий», «Крематорий»... Мы попадем на первое место. Так делают

такое пятое состояние вещества? Это святой дух.

Есть что-то еще. Эта жизнь мне дана кем-то для того, чтобы я что-то сделал. И кто-то меня направляет. Иногда пишу музыку и не понимаю, как я ее пишу. Понимаешь? Я не знаю. Иногда вижу странные отрывки снов. А что такое сны? Все тот же мой приятель По говорил: «Это маленькие осколки смерти». Поэтому смерть вдохновляет.

— Я еще не все спросил о рок-н-ролле. Сегодня рок-н-ролла нет как атмосферы и ауры?

— Абсолютно с тобой согласен.

— Есть только одиночки. И больше его не будет никогда? Это было одноразовое явление, которое больше никогда не повторится?

— Да. Именно. После появления «Крематория», «Бригады С» и «Звуков Му» больше ничего не появилось. Мы последние. Все развивается по американскому пути. Все бу-

мать, взламывать ее или найти ключик.

— Ладно, тогда последний вопрос. Рок-н-ролл — это была не просто музыка и не просто портвейн. Это были мечты о том, что жизнь должна быть устроена по-человечески. Выражаясь строчкой из песни группы «Крематорий»: «Мир, полный любви». Это ведь не сбылось все? Мир за последние тридцать лет стал более холодным, более жестоким, более кровавым?

— Да. Ты абсолютно прав. Более холодным, более жестоким. Он стал отвратным.

Но мир, полный любви, создать удалось. К сожалению, у этого мира есть границы. Если говорить о духовной части этого вопроса, то мир, полный любви, ограничен интеллектом определенного уровня. И у меня нет никакого желания опускаться ниже. Потому что

ГЕРОЙ

другие. Фэн-клуб напрягают, и фанаты начинают звонить.

Мы этим не занимаемся. Мы в это не играем. Потому что это унизительно.

Песня должна сама себя продвигать. И я тебе скажу: все песни нашей группы, которые прорывались либо на радио, либо в ящик, — они все без исключения попадали в хиты.

— В мифологии рок-н-ролла ранняя смерть — доблесть. Как ты соотносишь себя с этим мифом?

— Да, если следовать канонам рок-н-ролла, то рок-музыкант должен умереть, как Джим Моррисон, — в двадцать семь лет. Но если бы я умер, то не было бы какого-то количества альбомов. И мне было бы жаль, что я их не сделал. А сейчас мне кажется, что это все-таки классно, что я до этого добрался, дошел до этого. Мне приятно это.

Мне жаль, что умер Майк. Он не сделал того, что мог бы сделать. Кто-то сказал: «Если не удалось умереть молодым, придется жить. Достоинно». Как только пропадут идеи, я сам собственноручно повешу большой амбарный замок на весь этот крематорий. Я не знаю, чем тогда буду заниматься. Но точно не буду заниматься душевным онанизмом.

— Две вещи составляют неотъемлемый облик «Крематория» — тема смерти и скрипочка. Тема смерти, которая играет на скрипочке столько много лет... Не дошел ли ты в этой мрачной теме до конца, не устал ли от этого слова? Не стала ли для тебя смерть символом, лишенным содержания?

— Только что он был здесь, но вышел — мой приятель Эдгар Аллан По. Ты бы с ним поговорил о смерти. Он очень приятный человек.

— Да я с ним беседовал про это, ты знаешь. Не раз.

— Ну да. На эту тему мы могли бы втроем пообщаться подольше. Я думаю, он в смерти понимает больше, чем я.

Значит, вот что. Смерть. Как может надоест тайна? Она не может надоест. Да, я смотрю в эту сторону много лет. Я ее уже не боюсь. Мне кажется, что за этим что-то есть. И последние успехи науки говорят, что я прав. Я имею в виду и клонирование, и то, что сейчас открыли пятое состояние вещества. Что

Армен Григорян

дет припопсовано. Какой там социальный протест? Он на фиг никому не нужен. Только скринхэды будут протестовать...

Рок-н-ролл исчезнет. Он исчезает уже. Не знаю, исчезнем ли мы, но у нас есть две сильные позиции. Во-первых, мы многожанровая группа, мы делаем разную музыку. Во-вторых, мы не даем рецептов, не даем ответов, мы просто разговариваем с людьми. Искренне. Искренность — это камень, на котором стоит рок-н-ролл.

— Что ты делаешь сейчас? Ты готовишь новый альбом?

— У Матисса есть картина, называется «Разговор». Окно, птички, мужчина и женщина о чем-то разговаривают. Картина немая, но, когда смотришь на нее, как будто слышишь диалог.

То, что я записал сейчас, называется «Мифология» — это в какой-то степени воплощение разговора. Весь альбом построен как диалог, как общение. По идее, это завершение нашего разговора. Это саунд-трек жизни «Крематория». И реальные персонажи, и реальные события уже превратились в историю. Группа и ее участники находятся на грани мифов. Поэтому мы так новый альбом и назвали. Мы сейчас сводим его в студии.

Может быть, потом будут новые альбомы «Крематория». Может, это последний альбом. Что будет дальше — я не знаю.

Чтобы открыть дверь, к ней нужно подойти. И поду-

тогда ты начинаешь общаться с той частью населения, которой лучше общаться не со мной, а с Филиппом Киркоровым.

Его удалось и материализовать, этот мир, полный любви. Ты сейчас сидишь в мире, полном любви. Здесь есть все для того, чтобы человек мог существовать. Творческий человек. Он может записывать музыку, отдыхать, спать, есть, пить и так далее. И в этот мир вхоже определенное количество людей. Он не открыт для всех. У меня нет времени общаться с кем попало, с какими-то идиотами. Я не хочу.

Мир изменить невозможно. Невозможно. Особенно в стране, где нет традиций. В стране, где каждый голодный, приходя к власти, пытается насытить свой желудок. И ты должен абстрагироваться от этого и жить в своем мире. А с тем, другим, миром общаться постольку-поскольку. Ну нужно, например, сесть в метро и куда-то поехать. Приходится, значит, выйти отсюда туда. Но как только я вхожу в тот мир, мне становится тошно.

Понимаешь, то, что происходит в большом мире, — это маразм. И чтобы в этом маразме не жить, нужно создавать свой мир.

● Алексей ПОЛИКОВСКИЙ